

Три идеала интеллектуала: социально-философский анализ

© А.О. Крылов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия
Православный Свято-Тихоновский университет, Москва, 115184, Россия

У термина «интеллектуал», который широко используется в гуманитарных науках, нет однозначного определения. Фактически речь идет о трех омонимичных понятиях — интеллектуал как пророк разума и цивилизации, интеллектуал как выразитель интересов той или иной социальной группы, интеллектуал как исполнитель особых социальных функций. В статье обоснован тезис о том, что три взгляда на понятие интеллектуала — это не чисто научные точки зрения на социальный феномен, а конкурирующие идеологические проекты, выдвинутые в конце XIX — начале XX в. различными силами, действовавшими в западном мире. Первое понятие интеллектуала появилось во французской Третьей республике, второе — в марксистской среде Европы, третье — в США.

Ключевые слова: интеллектуал, история интеллектуалов, Жюль Бенда, интеллектуальная аристократия, Карл Мангейм, Ричард Коллин

Интеллектуал как термин. Хотя понятие *интеллектуал* широко используется в современных гуманитарных науках, общепризнанного и четкого определения этого термина не существует — более того, ученые скептически относятся к тому, что такое определение вообще возможно [1, р. 80].

Слово *интеллектуал* — это субстантив от *интеллектуальный* (человек), который, в свою очередь, происходит от понятия *интеллект*. Таким образом, интеллектуал — это человек, который отличается от прочих своим выдающимся интеллектом. Однако, несмотря на солидную философскую родословную интеллекта как высшей мыслительной способности [2, 3], слово *интеллектуал* вошло в науку не со страниц фолиантов, а из политической публицистики «прекрасной эпохи».

Появление интеллектуала. Идеи о том, что люди, обладающие образованием и правильным, прогрессивным мышлением, являют собой новую элиту, выражающую подлинные интересы масс и призванную заменить уходящую аристократию, обсуждались в конце XIX — начале XX в. Тон в этих дискуссиях задавали французы и англичане: в Англии было принято говорить об интеллектуальном классе (*intellectual class*), во Франции — об интеллектуалах (*intellectuelles*). Важным отличием между ними было отношение к власти.

Английские представители *интеллектуальной аристократии*, несмотря на свои симпатии к радикальным идеям, были лояльны британской короне. Члены Фабианского общества не призывали к революции и не вступали в противостояние с властями, оставаясь respectable частью правящей элиты Великобритании [4, с. 111, 112].

Французские интеллектуалы сочетали элитарность и оппозиционность с успешной политической активностью. Впервые слово *интеллектуал* вошло в употребление в ходе дела Дрейфуса, разделившего общество Третьей республики на дрейфусаров и антидрейфусаров. В своей речи Ж. Клемансо, один из лидеров дрейфусаров, назвал интеллектуалами тех, кто подписал открытое письмо Э. Золя в защиту Дрейфуса («Я обвиняю»). К новому слову не остались равнодушны антидрейфусары, высмеивавшие претензии своих противников на умственное превосходство. Так слово *интеллектуал* стало популярным во Франции, а после победы дрейфусаров — и за ее пределами [4, с. 113–117].

Парадокс заключался в том, что лидеры обеих партий вели себя схожим образом, хотя правые формально не носили имя интеллектуалов. С большим или меньшим успехом и ведущие дрейфусары, и ведущие антидрейфусары стремились убедить соотечественников в том, что первостепенное значение для всей Франции имеет вопрос, не затрагивавший непосредственные интересы большинства французов (судьба штабного офицера, осужденного за измену). Таким образом, первостепенное политическое значение получали не представители общественной элиты, а интеллектуалы, выступавшие как гражданская совесть нации [5, pp. 183–185].

Изначально слово *интеллектуал* было французским публицистическим выражением, призванным описать феномен общественной жизни, возникший в конце XIX в., — писателей, ученых, публицистов, философов, далеких от практических дел, но тем не менее участвующих в общественной жизни с позиции морального и интеллектуального превосходства над обывателями, таких как Эмиль Золя, Бернард Шоу, Лев Толстой или Хосе Ортега-и-Гассет [1, pp. 163–165]. *Интеллектуал* был в авангарде мировых сил прогресса в борьбе за разум и справедливость против сил невежества и реакции. Символом единства интеллектуалов всего мира стала Нобелевская премия, присуждавшаяся с 1901 г. за выдающиеся достижения, служившие благу человечества. Однако вскоре мировое единство проповедников разума и нравственности подверглось испытанию.

Мировая война и революции. В 1914 г. после начала Первой мировой войны французские и британские интеллектуалы сразу начали организованную кампанию по обличению «тевтонов» в антигуманизме и варварстве. Основа для этого была заложена в предшествующие

десятилетия, когда французские интеллектуалы Третьей республики последовательно формировали представление о Германии как об извечном враге цивилизации и культуры, всегда ненавидевшей Францию — носительницу идеалов разума и прогресса. Утверждая антигуманистическую и варварскую сущность германского государства, англо-французские интеллектуалы отмечали, что помимо жестокой и бесчеловечной «Германии Бисмарка» есть другая Германия, «Германия Гете», чуждая прусскому империализму.

Немецкая сторона ответила «Манифестом 93-х», в котором выдающиеся ученые и писатели Германии оправдывали действия своей страны как вынужденные и провозглашали единство духовных вождей германской нации с народом и армией, сражающейся на фронтах. В странах Антанты «Манифест» был умело интерпретирован как подтверждение враждебности и чуждости Германии идеалам цивилизации — «тевтоны» были настолько пропитаны ненавистью, что даже немецкие нобелевские лауреаты были готовы оправдывать убийства и разрушения [6, с. 131, 132].

Левые революции, последовавшие за Первой мировой войной, вновь поставили вопрос о том, следует ли интеллектуалу как стороннику прогресса вступать в борьбу идеологий. Является ли Советский Союз новым шагом человечества по пути прогресса или мировая революция и Третий Интернационал — опасные химеры? Что ждет «аристократию ума» в обществе будущего? В обстановке дебатов об интеллектуалах и под влиянием политики 1920-х годов в гуманитарных науках сложились три различных подхода к изучению интеллектуалов как социального явления.

Пророк высших идей. Первый подход предполагал тот возвышенный взгляд на интеллектуала, который окончательно сложился во Франции в годы дела Дрейфуса. В данном случае интеллектуал — это выразитель идеалов разума и справедливости, своего рода апостол религии Прогресса. Интеллектуалы должны нести свои высокие идеалы прочим людям, обличать невежество и несправедливость, быть готовыми к противостоянию с врагами разума. Таким образом, истинные интеллектуалы, такие как Сократ Платона и Иисус Ренана, это благородные личности, проповедавшие современниками высокие идеалы жизни и пострадавшие за это от невежественной толпы. Напротив, представители британского «интеллектуального класса», лояльно относившиеся к короне, подлинными интеллектуалами назваться не могли [2, с. 113].

Эти взгляды нашли яркое выражение в знаменитой работе Ж. Бенда «Предательство клириков» [7] (более известна под английским названием «Предательство интеллектуалов») 1928 г., в которой французский автор осуждал интеллектуалов XIX–XX вв. за увлечение

сиюминутными политическими пристрастиями и отказ от высоких идеалов разума и справедливости.

Борец за земное счастье. Сторонники данного подхода полагают, что интеллектуалы всегда выступают в поддержку той или иной социальной группы: класса, нации, государства. Именно поэтому желание интеллектуалов стать «над схваткой» является самообманом.

В Италии в 1920-е годы отношение к фашистскому режиму Муссолини разделило интеллектуалов на два лагеря: одни из них видели в фашизме новый этап прогресса, а другие, наоборот, воплощение реакции. В 1925 г. Дж. Джентиле и его сторонники издали «Манифест фашистских интеллектуалов к интеллектуалам всех стран», в котором фашизм провозглашался новой религией и преемником итальянского Рисорджименто XIX в. Сразу появился «контрманифест» Б. Кроче и его сторонников-антифашистов, призывавший не смешивать политику, литературу и науку [8, с. 259, 260].

Итальянский марксист А. Грамши был арестован фашистскими властями в 1926 г. Находясь в заключении, он размышлял о роли интеллектуалов в современном обществе. В «Тюремных тетрадах» (1932) Грамши разделил интеллектуалов на традиционных, пребывающих в иллюзии своей независимости, и органических, порожденных тем или иным классом и потому защищающих его интересы. Традиционные интеллектуалы, вроде католических клириков, склонны заявлять о том, что защищают вечные идеалы и являются особой силой в классовой борьбе. Однако буржуазия отнимает у них эту мнимую независимость, подчиняя своим интересам. На смену традиционным интеллектуалам идут органические, которых классы порождают для защиты своих интересов [9].

Записи Грамши, умершего в тюрьме в 1937 г., были опубликованы в 1947 г. [10] и вызвали общественный резонанс. Первое послевоенное десятилетие было периодом бурных дискуссий об интеллектуалах во Франции и Италии. Правые интеллектуалы были скомпрометированы поддержкой стран Оси и коллаборационистов, а левые, самым известным из которых стал французский философ Ж.-П. Сартр, были воодушевлены триумфом СССР [11]. Поскольку Грамши был первым, кто осмыслил феномен интеллектуалов с марксистской точки зрения, его работы приобрели огромное влияние среди левых мыслителей Запада второй половины XX в. [9, р. 68].

Интеллектуалы, не согласные с тем, что коммунизм — ближайшее будущее человечества, ориентировались на США. Как и в 1920-е годы, их критика оппонентов сводилась к тому, что левые изменили высоким идеалам интеллектуалов. Марксистская идеология не ведет к прогрессу человечества, по своей сути она есть просто догматическая религия, «опиум для интеллектуалов» [12].

Дебаты об интеллектуалах истинных и ложных касались не только современности, но и прошлого. Каноническая история интеллектуалов — «героев разума» складывалась во Франции в середине XVIII — первой половине XIX в., ее главными героями были античные философы, *вольнодумцы* Средних веков, гуманисты Возрождения и мыслители XVII–XVIII вв., выступавшие наследниками своих предшественников. По этой причине заглавие изданной в 1957 г. книги французского медиевиста Ж. Ле Гоффа «Интеллектуалы в Средние века» [13] звучало для современников как провокация. Историк называл истинными интеллектуалами Средних веков университетских преподавателей XII–XIII столетий, а гуманистов, напротив, подвергал критике за элитаризм и отказ от просвещения народа.

В ходе дебатов о роли интеллектуала в послевоенном мире был выдвинут новый, третий взгляд на интеллектуала, впрочем, также восходивший к исследованиям 1920-х годов.

Эксперт на службе общества. Следующий подход рассматривал интеллектуала как эксперта, а не пророка или борца за счастье человечества. Однако, как будет показано далее, этот «технократический» подход на самом деле является своеобразным развитием первого, «пророческого».

В формирование взгляда на интеллектуала как на эксперта легли принципы социологии знания, возникшей в 1920-х годах в Германии. Немецкий социолог Карл Мангейм стремился выявить связь знания с той социально-культурной средой, в которой оно возникает. Желая избежать релятивизма, видевшего в знании продукт социально-политических сил, ученый исходил из концепции реляционизма — определенные утверждения являются истинными в определенном времени и месте. С точки зрения Мангейма, различные интеллектуальные позиции и перспективы возникают благодаря «социальным констелляциям» — расстановкам общественных сил в определенный исторический период. Интеллектуалы не привязаны к конкретной общественной силе, а потому могут примыкать к различным социальным группам и сочетать различные идеи, возникшие в них [14].

После начала холодной войны в конце 1940-х — 1950-х годах американские социологи во главе с Т. Парсонсом выдвинули концепцию модернизации, которая должна была стать идейной основой для американского господства и вместе с тем — альтернативой марксизму. Суть этой концепции заключалась в том, что в США построено свободное и демократическое общество. Остальные страны должны лишь подражать американскому опыту («модернизироваться»). Время идеологий, парадов и красных флагов прошло — американский образ жизни совершенно отличен от европейских идеологий, лежащих в основе тоталитаризма, — в нем нет ни догматов, ни мессианских

пророчеств, а лишь уважение к личности, духу законов и гуманность [11, с. 57].

Тем самым мечты интеллектуалов-пророков сбылись, а на их место должны прийти интеллектуалы-эксперты в духе Мангейма [11, с. 51–56]. Так, по мнению выдающегося американского социолога Э. Шилза, интеллектуал — это человек, который отвечает на потребность общества в установлении контактов с трансцендентным, в создании словесных и визуальных образов действительности, в актуализации связи со своим прошлым и духовным богатством предков, в образовании для людей, исполняющих сложные задачи, наконец, в создании общих символов, дающих всем членам общества сознание принадлежности к единому целому. Интеллектуал не связан ни с определенным мировоззрением, ни с определенной социальной группой. Его взгляды и образ деятельности определяют неизменные потребности социума в учителях и мыслителях, священнослужителях и богословах, историках, антикварах и агиографах [15, pp. 5–15].

Тем самым социальная история интеллектуалов — это не история провозвестников определенных идей или классовой борьбы, а история обществ, в том числе — сообществ интеллектуалов. Неслучайно американский социолог Р. Коллинз назвал свое масштабное исследование по социологии интеллектуалов «История философий» (во множественном числе). Последовательно рассматривая творчество интеллектуалов Античности, Древнего Китая, Японии, арабского халифата, европейского Средневековья и Нового времени, исследователь обращал внимание не на идеи и личности философов, а на интеллектуальные кружки, школы и сети. Именно в структуре социальных отношений между интеллектуалами Коллинз усматривал причины распространения тех или иных идей, истоки влияния на потомков одних мыслителей и забвение других [16].

Три идеала интеллектуала. Несмотря на обмен отдельными идеями, описанные в статье подходы к изучению интеллектуалов сохраняются в гуманитарных науках начала XXI в. Причину этого автор видит в том, что во всех трех случаях отличие между подходами заключается не в методологии, а в разном понимании учеными самого объекта изучения.

В первом случае интеллектуал — пророк разума и прогресса, призванный просвещать массы. Во втором — борец, защищающий земные интересы своего класса, нации, государства в противостоянии различных классов, наций, государств. В третьем — эксперт, который не преобразовывает общество, а служит ему своим умственным трудом.

Совместить описанные выше толкования термина сложно. С точки зрения сторонников первого подхода, отказ интеллектуала от служения прогрессу, разуму и справедливости есть измена своему

предназначению, позорный обмен первородства на чечевичную похлебку. Для представителей второго подхода свобода интеллектуалов от борьбы общественных сил — иллюзия или маскировка истинных намерений. Наконец, сторонники третьего подхода полагают, что идеологии остались в прошлом, интеллектуалы должны держаться от них в стороне и не быть фанатиками с узким кругозором. Таким образом, выбор исследователем того или иного понимания термина *интеллектуал* во многом зависит от его отношения к идеологическим проектам Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Kurzman Ch., Owens L. The Sociology of Intellectuals. *Annual Review of Sociology*, 2002, vol. 28, pp. 3–90.
- [2] Faye E. Intellectus. *Dictionary of untranslatables: a philosophical lexicon*. Princeton, Princeton University Press, 2014, pp. 490–492.
- [3] Libera de A. Intellect. *Dictionary of untranslatables: a philosophical lexicon*. Princeton, Princeton University Press, 2014, pp. 492–500.
- [4] Фадеева Л.А. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада. *Диалог со временем*, 2012, № 41, с. 108–138.
- [5] Charle Ch. *Birth of the Intellectuals, 1880–1900*. Cambridge, Polity Press, 2015, 266 p.
- [6] Михайловский А.В. Успехи и неудачи «интеллектуальной мобилизации»: германский и российский опыт. *Вопросы национализма*, 2014, № 3, с. 129–151.
- [7] Benda J. *La trahison des clercs*. Paris, Grasset, 1927, 306 p.
- [8] Нестерова Т.П. Итальянские интеллектуалы и фашизм. *Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.*, № 4, вып. 2. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2006, с. 255–267.
- [9] Gramsci A. *Lettere dal carcere. Opere*. Vol. 1. Turin, Einaudi, 1947, 260 p.
- [10] Thomas P. Gramsci and the Intellectuals: Modern Prince Versus Passive Revolution. *Marxism, Intellectuals and Politics*. New York, Palgrave Macmillan, 2007, pp. 68–85.
- [11] Aron R. *L'Opium des intellectuels*. Paris, Calmann-Lévy, 1955, 337 p.
- [12] Никандров А.В. Идеологические споры в политике: концепция «секулярной религии» Раймона Арона в идейном противостоянии интеллектуалов. *Вопросы философии*, 2015, № 7, с. 49–61.
- [13] Le Goff J. *Les intellectuels au Moyen Âge*. Paris, Le Seuil, 1957, 191 p.
- [14] Mannheim K. Das Problem einer Soziologie des Wissens. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 1925, Bd. 53, N. 3, S. 577–622.
- [15] Shils E. The Intellectuals and the Powers: Some Perspectives for Comparative Analysis. *Comparative Studies in Society and History*, 1958, no. 1, pp. 5–22.
- [16] Collins R. *The Sociology of Philosophies*. Cambridge, Massachusetts, London, The Belknap Press of Harvard University, 1998, 1090 p.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Крылов А.О. Три идеала интеллектуала: социально-философский анализ. *Гуманитарный вестник*, 2022, вып. 4. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2022-4-790>

Крылов Алексей Олегович — канд. истор. наук, доцент кафедры «История» МГТУ им. Н.Э. Баумана, младший научный сотрудник Центра истории богословия и богословского образования ПСТГУ. e-mail: dismal.enigma@yandex.ru

Three ideals of an intellectual: socio-philosophical analysis

© A.O. Krylov^{1, 2}

¹Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

²Research Center for the History of Theology and Theological Education, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, 115184, Russia

The term intellectual, which is widely used in the humanities, has no unambiguous definition. In fact, there are three homonymous concepts — an intellectual as a prophet of reason and civilization, an intellectual as an exponent of the interests of a particular social group, an intellectual as a performer of special social functions. The article substantiates the thesis that the three views on the concept of intellectual are not purely scientific points of view on a social phenomenon, but competing ideological projects put forward in the late XIX — early XX century by various forces operating in the Western world. The first concept of an intellectual was born in the French Third Republic, the second — among European Marxists, the third — in the USA.

Keywords: *intellectual, the history of intellectuals, Julien Benda, intellectual aristocracy, Karl Mannheim, Richard Collins*

REFERENCES

- [1] Kurzman Ch., Owens L. *Annual Review of Sociology*. 2002, vol. 28, pp. 3–90.
- [2] Faye E. Intellectus. *Dictionary of untranslatables: a philosophical lexicon*. Princeton, Princeton University Press, 2014, pp. 490–492.
- [3] Libera de A. Intellect. *Dictionary of untranslatables: a philosophical lexicon*. Princeton University Press, 2014, pp. 492–500.
- [4] Fadeeva L.A. *Dialog so vremenem — Dialogue with time*, 2012, vol. 41, pp. 108–138.
- [5] Charle Ch. *Birth of the Intellectuals, 1880–1900*. Cambridge, Polity Press, 2015, 266 p.
- [6] Mikhailovsky A.V. Uspekhi i neudachi “intellektual'noy mobilizacii”: german-skiy i rossiyskiy opyt [Successes and failures of “intellectual mobilization”: German and Russian experience]. *Voprosy Natsionalisma* (Questions of nationalism), 2014, no. 3, pp. 129–151.
- [7] Benda J. *La trahison des clercs*. Paris: Grasset, 1927, 306 p.
- [8] Nesterova T.P. Ital'yanskiye intellektualy i fashizm [Italian intellectuals and fascism]. In: *Imagines mundi: Al'manah issledovaniy vseobshchey istorii XVI–XX vv.* [Imagines mundi: Almanac of studies of general history of the XVI–XX centuries], no. 4, iss. 2. Ekaterinburg, UrFU Publ., 2006, pp. 255–267.
- [9] Gramsci A. *Lettere dal carcere. Opere*. Vol. 1. Turin: Einaudi, 1947, 260 p.
- [10] Thomas P. Gramsci and the Intellectuals: Modern Prince Versus Passive Revolution. *Marxism, Intellectuals and Politics*. New York, Palgrave Macmillan, 2007, pp. 68–85.
- [11] Aron R. *L'Opium des intellectuels*. Paris, Calmann-Lévy Publ., 1955, 337 p.
- [12] Nikandrov A.V. *Voprosy filosofii — Questions of Philosophy*, 2015, no. 7, pp. 49–61.
- [13] Le Goff J. *Les intellectuels au Moyen Âge*. Paris, Le Seuil, 1957, 191 p.

- [14] Mannheim K. Das Problem einer Soziologie des Wissens. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, 1925, Bd. 53, No. 3, S. 577–622.
- [15] Shils E. *Comparative Studies in Society and History*, 1958, no. 1, pp. 5–22.
- [16] Collins R. *The Sociology of Philosophies*. Cambridge, Mass and London, The Belknap Press of Harvard University, 1998, 1090 p.

Krylov A.O., PhD in History, Assoc. Professor, Department of History, Bauman Moscow State Technical University; Junior Research Fellow, Research Center for the History of Theology and Theological Education, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities. e-mail: dismal.enigma@yandex.ru